

О СТЕПАНОВЕ А. В. — КАТАНЯНУ

СТЕПАНОВ Александр Васильевич, родился в 1863 в Москве. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1904 — прокурор Московского окружного суда, с 1908 — прокурор Московской судебной палаты, с 1915 — товарищ министра внутренних дел. Активно боролся с влиянием Распутина, за что в 1916 — был уволен царем. С 1919 — работал старшим научным сотрудником в Академии наук в Ленинграде. В ночь с 7 на 8 января 1927 — арестован как «участник контрреволюционной организации».

В мае 1927 — в его защиту выступил Владимир Анатольевич Жданов, юрист, член юридической комиссии МПКК.

<6 мая 1927>

«Копия

Уважаемый Товарищ КАТАНЯН.

До сведения моего дошло, что бывший прокурор Московского Окружного суда — Александр Васильевич СТЕПАНОВ привлечен в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 58-11 ст<атьей> Уг<оловного> Код<екса>.

Ввиду этого я считаю своим долгом, в целях освещения деятельности Степанова, как прокурора, сообщить то, что мне известно об участии Степанова в деле КАЛЯЕВА.

Каляев был моим личным другом, который от меня не скрывал никаких обстоятельств своего дела. По просьбе Каляева я сделался его защитником и стал посещать его с 20 февраля. Он мне все рассказывал и говорил о своем аресте, о тюремной жизни и о следствии. Я у него бывал через день, вплоть до суда.

Из многочисленных и продолжительных разговоров с Каляевым я выяснил, что следствие по его делу велось чиновниками из департамента полиции, так как Каляева должен был судить верховный суд, приехавший в Москву из Петербурга в особом составе, а не Московские — окружной суд или судебная палата.

При таком положении роль местного прокурора, каким был Степанов, да еще прокурора окружного суда, свелась к нулю и он никакого значения иметь не мог.

Однако, и при этих условиях, по словам Каляева, Степанов проявил в отношении к последнему полную корректность. Во время следствия никакого резкого отношения к нему не было. В тюрьме относились вежливо. Насилия никакого не было. Допросы были только формальные.

Каляев долго скрывал свое имя и звание. Это раздражало Петербургских бюрократов. Особые требования шли от департамента полиции для выяснения личности Каляева, и имя его было выяснено дня за три до суда.

Прокурор Степанов к этим вопросам никакого отношения не имел. Он вел дело безусловно честно, по чиновничьи, формально.

Все это убеждает меня, что Степанов в деле Каляева исполнил все, что от него могло зависеть, и что служило бы к облегчению участи героя.

Доводя об изложенном до Вашего сведения, я могу это подтвердить в случае надобности и при личном допросе.

Вл<адимир> Жданов

6/V-27»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 167. С. 464. Машинопись, подпись — автограф.

15 мая 1927 — для ходатайства юридического отдела Помполита за Александра Васильевича Степанова юрист Николай Константинович Муравьев передал следующее.

<15 мая 1927>

Удостоверение.

По просьбе Марии Дмитриевны Степановой, невестки арестованного бывшего прокурора Московского Окружного Суда и Московской Судебной Палаты Александра Васильевича СТЕПАНОВА, сим удостоверяю нижеследующие обстоятельства, известные мне, как одному из инициаторов и основателей Московского кружка Адвокатов, обслуживавшего политические и общественные защиты в процессах царского времени:

1) в 1904-1907 годах А. В. Степанов занимал место прокурора Московского Окружного Суда. В период ликвидации 1905 года ему вместе с тогдашним Московским Губернатором В. Ф. Джунковским принадлежит перед Российским обществ^{енным} движением заслуга передачи судебных процессов, ликвидировавших московское восстание (дело Красной Пресни, Фидлера и др^{угих}) не военному суду, на чем настаивал Дубасов, Мин и другие победители восстания, а через Моск^{овскую} Суд^{ебную} Палату, что спасло жизнь многим десяткам революционеров, уличенных в участии в ликвидированном тогдашним Правительством восстании.

Такое отношение А. В. Степанова к вопросу о судебной ликвидации Декабрьских событий в Москве явилось лишь частичным выражением его общего отношения к освободительному и, в частности, революционному движению того времени. В частности, ему принадлежит заслуга доведения до суда дела пристава Ермолова, убившего доктора Воробьева в дни, непосредственно следовавшие за Декабрьским восстанием. По этому процессу осуждение в Исправительное Арестантское Отделение пристава Ермолова было в то время большой победой русской тогдашней общественности и большим поражением Московского черносотенства того времени. Из этой поры деятельности А. В. Степанова удостоверяю в частности, что дело Каляева, убившего Сергея Александровича, велось под непосредственным наблюдением тогдашнего прокурора Судебной Палаты, а не А. В. Степанова, бывшего в то время, как сказано выше, прокурором Московского Окружного Суда — дело это, как исключительное, было изъято из ведения прокурорского надзора Суда;

2) В 1908-1915 годах А. В. Степанов занимал должность прокурора Московской Судебной Палаты. В хлопотах за освобождение тех или других революционеров, привлекавшихся к политическим процессам того времени, я, имевший тогда то или другое отношение ко всем политическим процессам, в особенности, Московским того времени, могу удостоверить, что со стороны А. В. Степанова я встречал всегда готовность пойти навстречу моим ходатайствам, причем, он употреблял все усилия к тому, чтобы свою власть употребить в направлении смягчения участи обвиняемых. Такое его отношение наблюдалось и в более широкой области. Так, во время предвыборной кампании в одну из Государственных Дум того времени, мне пришлось выполнить трудную задачу занесения в избирательные списки выставлявшегося в то время в качестве депутата РСДРП Ивана Ивановича Скворцова, который в то время сидел в тюрьме, будучи политическим заключенным. Ив^{ан} Ив^{ан} Скворцов, несмотря на свой арест, в результате моих хлопот был занесен в списки избирателей, и за него голосовала та часть трудящегося населения, которая по своим настроениям примыкала к социал-демократической Партии. Этому успеху моего ходатайства я обязан

исключительно А. В. Степанову, решимостью которого пойти мне навстречу, я помню, был крайне удивлен: нужно было иметь значительную смелость и гражданское мужество, чтобы, состоя в должности прокурора Судебной Палаты, взять на себя смелость содействовать моему предприятию в то время, как арест по политическому делу, конечно, являлся достаточным поводом для не включения гражданина в избирательные списки;

3) Наконец, мне известно по моей работе в Верховной Следственной Комиссии 1917 г<ода>, имевшей своей исключительной задачей рассмотрение противозаконных действий "особ" первых 3 классов царского режима, что А. В. Степанов, назначенный на должность Тов<арища> Министра Внутренних Дел, примкнул к той группе должностных лиц старого режима, которая вместе со всем прогрессивным общественным движением того времени боролась с Распутиновщиной и опиравшимся на личное влияние Распутина крайне реакционными кругами того времени. Выдвинутый прогрессивными кругами тогдашней бюрократии А. В. Степанов был выгнан с должности Тов<арища> Министра Внутренних Дел именно вследствие предпринятой им борьбы против Распутина и Распутиновщины.

Подпись: Н. МУРАВЬЕВ.

15/V-27 г<ода>»².

6 мая 1927 — Александр Васильевич Степанов, несмотря на ходатайства ПКК, был приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения.

В январе 1929 — к Е. П. Пешковой обратился за ходатайством академик Сергей Федорович Ольденбург.

<26 января 1929>

Многоуважаемая
Екатерина Павловна

Позвольте обратиться к Вам по делу Александра Васильевича Степанова, подробности о котором изложены в прилагаемой записке. Здоровье его очень плохое и, если по окончании его срока высылки его опять куда-нибудь вышлют, то он не выдержит. Нельзя ли добиться его отпуска в "чистую" после конца срока. Это порядочный и честный человек, и превосходный работник. Если нужны какие-нибудь документы с моей стороны, то буду ждать Ваших указаний. Очень прошу о Вашем сочувствии.

Искренне Ваш

Сергей Ольденбург.

26.I.1929
Ленинград»³.

«Александр Васильевич Степанов арестован 7-ого января 1927 г<ода> приговором Особого Сопещения ОГПУ от 6-ого мая 1927 года осужден по статье 58 п<унк>т 11 УК (теперь п<унк>т 13 изд<ания> 26) к заключению в Соловецкий лагерь особого назначения сроком на три года, считая с 8-го января 1927 г<ода>. Все 10 лет существования Советской Власти безвыездно жил в Ленинграде и состоял на службе. С 1919 г<ода> служил в Академии Наук старшим научным сотрудником Кепса, причем,

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 167. С.. Машинопись, подпись — автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 354. С. 127. Автограф.

являлся честным и ценным работником, безусловно лояльным по отношению к Советской Власти

В личном письме тов<арищу> Енукидзе от 14-ого марта 1927 г<ода> академики С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман указывают на ценность его работы и просят о смягчении участи.

Деятельность А. В. как прокурора и тов<арища> министра внутр<енних> дел царского времени охарактеризована в письмах свидетелей ее, членов коллегии защитн<иков> Н. К. Муравьева и В. А. Жданова тов<арищу> Катаньяну Н. К. Муравьев указывает, что Степанов, будучи прокурором Моск<овского> Окр<ужного> Суда 1904-1907 г<одов> и Моск<овской> Суд<ебной> Палаты 1908-1915 г<одов>, не только не проявлял рвения по борьбе с революционным движением, но всемерно содействовал облегчению участи революционеров. Одним из примеров, характеризующих его деятельность, является то, что по его настоянию судебные процессы, ликвидирующие моск<овское> восстание 1905 г<ода> (дело Красной Пресни, Фидлера и др<угие>) были переданы не военному суду, на чем настаивал Дубасов и др<угие>, а в гражданские судебные становления, что спасло жизнь десяткам революционеров. Будучи тов<арищем> министра внутр<енних> дел 1915-1916 г<одов>, он боролся энергично с Распутиным и его влиянием, благодаря чему был уволен с должности. В. А. Жданов указывает, что в деле Каляева роль прокурора Окр<ужного> Суда Степанова носила чисто формальный характер и в сущности была сведена к нулю, т<ак> к<ак> следствие велось чиновниками из департамента полиции, и судить его должен был Верховный Суд в особом составе, приехавший из Петербурга. При этом, по словам самого Каляева, отношение к нему прокурора было исключительно корректное. Все требования шли от департамента полиции, причем, Степановым в министерстве были недовольны.

В настоящее время А. В. Степанов находится в командировке г<орода> Кеми. По амнистии срок его заключения сокращен на $\frac{1}{4}$, т<о> е<сть> на 9 месяцев, и оканчивается 8 апреля 1929 г<ода>.

Заключенному 66 лет, он страдает сердечной болезнью, осложненной хронической формой суставного ревматизма и постоянным катаром дыхательных путей, часто осложняющимся воспалением легких, что удостоверено свидетельствами пользовавших его врачей. За последние два года в Концлагере, он перенес дизентерию, которая еще больше подорвала его силы, и тяжелую глазную болезнь, значительно повредившую его зрение.

В виду указанного тяжелого состояния здоровья, требующего постоянного лечения, и возраста, а также, принимая во внимание его полную лояльность по отношению к Советской Власти, жена заключенного, С. И. Степанова просит возможного содействия по освобождению его от дополнительных мер социальной защиты (высылки и ограничения места жительства) и разрешению ему свободного проживания во всех городах СССР.

19 января
1929 г<ода>»⁴.

На письме — две пометы:
«Пол<учено> 25/III». «СПО».

После освобождения из Соловецкого лагеря с ограничением проживания на 3 года Александр Васильевич Степанов поселился в Вологде. В сентябре 1933 — ему было разрешено возвратиться в Ленинград ввиду приближения смертельного исхода болезни жены⁵.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 354. С. 128. Машинопись.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 884. С. 54, 58.